

КУРСАНТЫ

1. УЧИЛИЩЕ

Мы ухсдили утром. Высокие дома Садового кольца были окутаны сиреновой дымкой, как скалы. Эти дома были воздвигнуты на наших глазах и так или иначе при нашем участии, и теперь мы прощались с ними, как с близкими, дорогими нашим сердцам друзьями.

Колонна двигалась по безлюдной улице. Только рядом с нашим правофланговым торопливо шла, почти бежала маленькая женщина. Правофланговый — рослый детина — нес на руках ребенка. Сынишка ласково водил пальчиком по его лицу, а отец шагал и шагал, будто ничего не замечая. Правое плечо его вздернулось, голова была откинута назад. Жена порывалась что-то сказать ему и не говорила, оберегая безмолвное величие этого расставания.

Только на вокзале, когда лязгнул буферами подошедший к вагонам паровоз, мы услышали ее голос.

— Ты смотри же, пиши, — говорила женщина тихо. — Пойдешь в бой — оставь у товарища записку. В случае чего он перешлет; я сохраню записку для нашего маленького.

В глаза опасности надо смотреть не мигая.

Жаркие дни. Наши лица всегда покрыты пылью, ноги гудят от усталости. Мы проходим обучение в маленьком прифронтовом городке. Говорим мало и все больше о мелочах повседневной жизни, думаем же о главном, о том, ради чего покинули родные дома. И во всем, о чем бы ни зашел разговор, во всем, что мы видим, разлита эта идея борьбы до конца. Кто-нибудь, сидя на пеньке у опушки леса и вытянув ноги, скажет мечтательно:

— Какая у нас страна!..

И другой добавит:

— Какие просторы!

Остальное — само собой разумеется. Не надо говорить о том, что эта природа, любовь к которой унаследовали мы от десятков пред-

.. шествующих поколений, что эта земля всегда будет наша, что она будет принадлежать нашим детям, чего бы ни стоила нам борьба.

Вера в это сплотила весь народ.

Дряхлая старушка выходит в поле угощать бойцов огурцами. Предлагаем деньги. Она обижена.

— Ужели вы не уважите старую? Сама растила, одной воды перетаскала бог весть сколько. Годы не молодые, спина, ох, как ноет! Ужели побрезгуете моим угощением?

★

Ночью одно подразделение ушло на фронт. Наши товарищи поставили на возки пулеметы и исчезли во тьме. Утром мы почтительно перечисляли их по именам. Вокруг фронтовиков из роты выздоравливающих собирались группы. Один рассказывал о том, как бежал из страшного фашистского плена, как, пробираясь через леса, вышел ночью к костру, вокруг которого сидели на корточках мальчишки и варили в немецкой каске картошку. Они рассказали, что германец прошел стороной, что к ним в деревню заезжали только несколько фашистов, согнали баб на сходку и стали спрашивать, где их мужья и где коммунисты. Бабы послушали, а потом убили «ораторов» и стащили в овраг. Мотоциклы и оружие взяли партизаны, а каски достались детворе. Конечно, каска — это не то, что автомат, но все-таки теперь хорошо играть в партизанский отряд и еще играть в ночное. Лошадей-то нет сейчас.

★

Многие вслух выражают нетерпение. Скорее бы в дело! Наконец нас выстраивают посреди двора, ведут на станцию, сажают в теплушки. В пути мы стоим у раскрытых на обе стороны широких дверей. Деревья освещены золотым осенним солнцем. Тепло и тихо.

И вдруг поезд врывается за седую завесу. Это бешеный ливень, он бьет сквозь вагон, из дверей в двери. В одно мгновение мы все промокли до нитки.

Нет, какая у нас страна! Какие буйные ливни!

Поезд идет не на запад. Мы знаем уже, что едем в пехотную школу, будем учиться на лейтенантов.

★

Это знаменитое пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Оно основано в декабре семнадцатого года по предложению Ленина. Это была первая кузница красных командиров, которые приняли боевое крещение в гражданской войне, которые били дроздовцев и врангелевцев. Двадцать шесть курсантов-кремлевцев, оказавшись в плену, отказались давать показания разведке генерала Барбовича. Вырыв по приказанию палачей могилы для себя, курсанты запели «Интернационал».

В общежитии школы в Москве бывал Ленин. Однажды, зайдя ночью, он попросил дежурного рапортовать потише, чтобы не беспокоить спящих курсантов.

Ленин много говорил с курсантами, принимал парады выпускников.

В январе 1924 года в этой школе товарищ Сталин произнес свою вдохновенную речь о Ленине.

Воспитанники школы и в последние годы дрались и достигали победы на всех фронтах, где нужно было защищать территорию и честь страны.

Питомец, ныне начальник школы, полковник Младенцев, сражаясь в снегах Финляндии, заслужил славу в народе и звание Героя Советского Союза.

Таковы традиции школы. Эти традиции, накопленная за двадцать четыре года боевая слава воплощены в опыте командного состава школы, который воспитывался здесь же. Лейтенант Асмолов, лейтенант Шипилов — это наши учителя. Но тут же, в училище, служат и учителя наших учителей: капитан Бобровских, комиссар Славкин. Цепочка приводит к самым первым дням существования школы. Вот и мы куюем новое звеношко.

★

Человек лежит на левом боку и роет малой лопатой землю. Болото, кочки промялись; человек лежит в луже желтой воды; сверху сеется на него дождь, а он роет, быстро роет землю. Быстро растет бруствер перед окопом.

Это только учеба. Этот окоп еще не должен защищать нас от фашистской пули. Но в учебу надо вкладывать все силы, тем более, что научиться командирскому искусству надо скоро, а показывать это искусство придется в борьбе с врагом сильным и жестоким.

Вот падает и подолгу лежит на палатках снег, и мы по вечерам мечтаем: когда-то придется отогреться, просушить портянки... Учеба пехотинца не легка. Ползаем по холодной, мокрой траве, перебегаем под кустами, разбираемся в переплетениях заснеженных дорог, пряча карту под полую шинели. Трудно? Да. Но ведь на войне будет еще трудней.

Как-то один из товарищей моих сказал:

— А немцу такая погода и вовсе не по вкусу.

И от мысли, что для врага на чужой, ненавидящей его земле и дожди должны быть холоднее, вьюжные ночи непроглядней, — от одной этой мысли нам становится теплей.

★

Мы часто говорим и много думаем о типе советского командира. Ведь мы сами — будущие командиры. Нам есть у кого учиться, есть кому подражать. Если свести воедино размышления многих, на первое место выступит вывод: командир и боец — братья. Это всегда было так в Красной Армии, и тем более это так сейчас: вместе умирать или, победив, вместе жить. Перед лицом этой истины все остальное теряет значение. Строгая требовательность без муштры и мелочной придирчивости — таков принцип командира.

Окончив училище, каждый из нас придет к бойцам и скажет:

— Вот винтовка, вот пулемет, вот граната — оружие, которым мы будем разить фашиста. Борьба с заклятым врагом нашей земли, борьба

без страха и до последнего вздоха — основа нашей кровной дружбы. Вперед, друзья и братья, вперед, бойцы!

★

В дождь ли, в стужу ли, в палатке и на поле — всюду и всегда с нами неразлучная спутница — песня. Отдохнули, выпались, — значит:

— Ну-ка, запевапы, начинайте! Калашников! Матвеев!

Устали, промокли, надо поднять настроение — опять:

— Запевапы! Заводи походную!

Маршевая песня — неписанное дополнение к учебной программе.

С винтовкой на ремне мы шагали вдоль леса. Мы уже изрядно наломали ноги о мощенную булыжником дорогу, и коробки с пулеметными лентами оттянули нам руки. Поступь шеренг то и дело сбивалась, и песня гасла.

Свернул на обочину дороги шедший нам навстречу обоз. На расшатанных телегах ютились детишки, укутанные в одеяла и шубенки. Старые и молодые женщины шли рядом с телегами или стороной; по мокрой осенней траве гнали скот. Это двигались на восток поднятые вражеским нашествием советские люди.

И вот, когда мы поровнялись, телеги останавливаются, детишки вылезают из-под одежек, и женщины смотрят на нас с трогательной надеждой и гордостью. Они покинули родные дома, землю, какую-нибудь любимую вербу у колодца. Пожалуй, некоторые потеряли близких. И вот видят они нас, шагающих с песней по шоссе, нас, готовящихся к боям. Они глядят на нас, и в их взглядах — призыв к отмене, в их взглядах — надежда.

И любимая, наша собственная песня, сложенная курсантом Белинским и положенная на музыку красноармейцем Молчановым, могуче взлетает над полем и лесом:

Давай подтянем
 новую походную.
Труби, труби поход, горнист!
Краснознаменное московское пехотное
Готово в бой.
 И смерть тебе, фашист!

Колонна проходит четким маршем перед расшатанными телегами, с которых на нас с восхищеньем смотрят дети.

2. КУРСАНТСКАЯ ОБОРОНА

Ползли на восток колонны вражеских танков. Бронированные змеи стремились сплестись вокруг Москвы и задушить столицу и обороняющие ее войска.

Приказы германских генералов начинались крайне самоуверенно: «Мы победили поляков, бельгийцев, французов. Нет сомнения, что мы...»

В эти дни мы отправили из училища в огонь боев многих своих товарищей.

Отважный минометный расчет вплотную подобрался к вражеским позициям. Метким прицельным огнем минометчики расчищают путь наступающей пехоте.

Мы жили в одном палаточном городке. В ненастные дни вместе сушили над костром портянки и грели босые ноги. Мне особенно запомнился один курсант-выпускник, молодой еще, но бывалый человек, комсомолец. Он главенствовал у костра. Ломал и подкладывал прутья и этак неторопливо, по-крестьянски рассказывал, как он пошел на войну с белофиннами:

— В военкомате спрашиваю: шоферы нужны? Говорят: нет, а нужны лыжники. Я им свое: был шофером в части, имею благодарности. А они опять: лыжники и лыжники. Мне, конечно, на лыжах ходить не доводилось, но думаю: «Неужели я урод, не научусь?» И, не моргнув глазом, заявляю: «Я забыл сказать: лыжи для меня — вторая машина».

Говорили мы у костра в октябрьский день; каждый знал уже, сколь суровые испытания нас ждут, и эта легкость, с которой говорил человек, шла не от легкомыслия, не от бездумья, а, напротив, оттого, что все продумано, все взвешено и решено. С этим решением человек пойдет на подвиг и смерть.

В сумерках нас всех построили по тревоге. Пришлось разбросать недогоревшие костры. Поставив на грузовики пулеметы, переговариваясь вполголоса, мы переобулись в темноте под деревьями, тщательно намотали портянки. Но выступили в эту ночь не все, а только курсанты-выпускники. Они уже давно томилась, ожидая испытаний. И вот они ушли на фронт.

Полк занял оборону по реке Лама. Полковник Младенцев и комиссар Славкин сказали: курсантская оборона должна быть неприступной.

В первых же столкновениях, как только подошли головные отряды противника, курсанты показали врагу свою неустрашимость.

Немцы закрепились на хуторе Блуди. На подступах к хутору стоят их секреты. Но секреты эти на учете лейтенанта Дьячкова. На рассвете взвод разведчиков скрытно продвигается к хутору. Со взводом — артиллерийский наблюдатель и полевой телефон. С огородов хутора Блуди отдается команда:

— Огонь по хутору Блуди!

После третьего артиллерийского залпа взвод врывается на улицу и открывает огонь по мечущимся немцам.

Фашист, спрятавшись за домом, обстрелял лейтенанта Дьячкова. Лейтенант залег, а тем временем его связной Коршунов подкрался к немцу из-за угла, оглушил его ударом приклада по голове и, отобрав винтовку, отправил в тыл. Первый пленный. Вскоре захватывают еще одного. Потом еще двух пленных вместе с ручным пулеметом вытащили из дзота.

В мелких столкновениях курсанты показали, что они способны перехитрить противника, ошеломить его дерзкими действиями и стать хозяевами пространства между позициями. Так они выдержали первое испытание.

Немцы рвутся вперед. Испытанию подвергается мужество курсантов, их стойкость в бою. Курсанты умирают, но не отходят без приказа.

Подразделение майора Тряпкина, полуокруженное, героически обороняет Буйгород. Прямые попадания мин в командный пункт. Разбит телефон. Убит не сошедший с поста часовой. Другие продолжают оставаться на месте.

Под губительный минометный огонь попадает орудийный расчет комсомольца Еремина. Противник наступает, некогда менять позицию, и надо обеспечить продолжительную поддержку своим. Еремин посылает расчет в укрытие, ведет огонь один. Его приказ расчету: «Когда меня убьют, займите мое место». Он остается жив.

Не только мощь огня решает исход сражений. Идет спор между моральными устоями гитлеровского солдата и нашего бойца. Гитлер разжигает в своих солдатах самые низменные инстинкты. Ты жаден? Входи в любой дом, забирай любые вещи, стаскивай ботиночки с ног ребенка. Ребенок плачет? Ударь его прикладом. Только рвись вперед, рвись к Москве — там будет что пограбить. Опередишь других — больше награбишь. Ты жесток? Убивай женщин и стариков. Только рвись вперед, и в твои руки будут отданы новые жертвы, а на грудь тебе повесят новые кресты.

А советский человек вступает в бой, чтобы защищать страну свою, сограждан своих от глумлений и смерти. И ради этой святой цели он жертвует жизнью. Дружба, — нет, братство между нашими бойцами крепнет в боях.

Шофер Афанасьев увозит на грузовике с поля боя раненых. Они

не должны умереть. Он ведет машину со всей возможной осторожностью. Вот и медпункт. Шофер остается в кабине, его спрашивают:

— Почему вы не идете обогреться?

— Я тоже ранен, — отвечает шофер еле слышно.

Он ранен в живот навывлет.

Курсант П. отстал от своих во время разведки и, вместо того чтобы догнать отряд, вернулся в часть.

Собрались комсомольцы; среди них были и разведчики, бесстрашно выполнившие трудную задачу. Они решили исключить П. из комсомола за малодушие и недисциплинированность. П. выслушал этот приговор и понял, что если теперь не вернет доверие к себе, то уж никогда не посмеет честно и открыто смотреть в глаза товарищам.

И вот случилось так. Немцы прорвали оборону соседа слева. Курсанты, оказавшись на фланге, контратаковали противника. Огонь станкового пулемета сковал их. Неудача контратаки повлек бы потерю позиций на большом протяжении. П. вызвался спасти положение. Взяв в запас несколько гранат, он пополз через поле, простреливаемое вражеским пулеметом. Проползти с оружием несколько сот метров — вообще-то нелегкое дело, а проползти под пулями, от кустика к кусту, от западинки к западинке — это подвиг, растянутый во времени. П. пробрался к пулемету, ликвидировал гранатой пулеметный расчет. Товарищи вернули ему комсомольский билет.

3. КЛЯТВА

Каждый из нас любит по-сыновьи, навечно места, где мы выросли и возмужали. У Надымова это — горы, тайга, стремительно бегущая река Уса. Суровый край. Юноша проходит здесь полтора километра на лыжах, чтобы получить в райкоме комсомола билет. Когда нужно топливо, он взбирается на гору и, привязав к поясу целую копену сухого хвороста, спускается с кручи прямо к порогу своего жилья. Весной, чуть загремят ручьи, он, вскинув за плечи лоток, уходит в горы, распутывает тропы вешних потоков, берет пробы обнаженной подпочвы и, отыскав хорошее золото, разжигает костер. Здесь вместе с товарищами он проживет, быть может, целое лето.

Мальчишкой пошел Надымов «стараться». В апреле, в мае трудно бывало ему сидеть в классе. Но он выдерживал до каникул. Окончил девять классов и собирался через год пойти в университет. Разумеется, он хотел учиться на геолога, чтобы отыскать целые подземные поля полезных ископаемых, чтобы не шалаш, а город вырос где-нибудь у его тропинки.

Таков советский человек. Ногами он крепко стоит на земле, голова его — в поднебесье. Мыслимо ли загнать его в ярмо?

В ноябре молодые старатели вышли с прииска. Надымов молча пожал своим семейным руки — тринадцать прощальных рукопожатий — и ушел, не оборачиваясь. Ночевали в двадцати пяти километрах от прииска, в одинокой избушке шорца-охотника. Старик жарко натопил

печь, он не дал путникам принести даже полена дров, все делал сам.

Стеяли трескучие морозы, но горные речки еще свободно бежали среди снегов, окутанные тяжелыми зимними испарениями. Гордые кедровые леса синели вокруг до самого зубчатого горизонта. Оглядывая милые сердцу места, Надымов поторапливал товарищей.

Им пришлось трижды переходить вброд речки. Первым вступал в воду самый сильный. На другом берегу, бросив под босые ноги телогрейку, он быстро обувался и — бегом вперед! Товарищи один за другим одевались на этой телогрейке и пускались вдогонку. Разогревшись, они спокойно продолжали свой путь.

В райвоенкомате Надымову предложили вернуться домой. Дело в том, что собралось шестеро добровольцев, а в училище надо было послать пятерых. Надымов отказался. Он уже попрощался с отцом — старый шорец молчаливо проводил его, да и вообще не в духе Надымова отказываться от раз принятого решения. Комиссар махнул рукой и выписал литер на шестерых.

И вот Надымов ползет по снегу. Сильная рука золотоискателя легко передвигает винтовку. По этому же полю ползет Анастасьев, сын профессора-хирурга, виолончелист. Он умел ухаживать за своими руками — изнеженными руками артиста. Теперь он умеет этими руками заряжать пулемет на морозе.

Отложен в сторону лоток золотоискателя. В футляре отдыхает виолончель. В руки подруги, в руки сестры передан молодым колхозником руль трактора.

Месяцы, проведенные нами в училище после расставания с выпускниками, не легки. Мы жили в палатках, засыпанных снегом. Совершали марши по обледенелым дорогам. В стужу, в буран, днем, ночью выходили на лыжах в поле, учились хитрому искусству разведки, упорству наступательного боя, обстоятельности в организации обороны. На ветру у кого-нибудь побелеет то нос, то щека. Первое время мы спрашивали друг друга:

— Ну, как у меня?

Потом приноровились. Просто глянешь друг другу в лицо, как в зеркало.

— В порядке?

— В порядке.

И — дальше.

Много дней мы провели в эшелонах. Днем, сгрудившись у оконца, изучали оружие; вечером вели разговор о музее Ленина, об устройстве вселенной, о паровозе, о музыке. Анастасьев как-то рассказал о великом Чайковском, над чьей памятью глумились гитлеровцы.

Ночью сидишь у печки, подбрасываешь уголь малой лопатой. Кто-то захотел курить. Протягиваешь раскаленный прут; огонек плывет под потолком, освещает руку, лицо. Товарищ долго курит, думает о чем-то. Потом спускается вниз, сидит, помешивая угли. Возбужденно скажет:

— Москва... Выстоит Москва!

Это в ноябре. Немцы похваляются, что они уже видят в хороший

Бойцы Красной Армии ведут бой за населенный пункт.

бинокль улицы столицы. В своей стенгазете мы нарисовали Гитлера. Он сидит на снегу, поджавши ноги, держит у глаз вместо бинокля скрученные сводки Геббельса, а перед биноклем — огромный кукиш.

Не одни мы проводим дни в походах и на биваках.

Вот землянки в лесу; у их стен — ряды лыж в распорках. Щиты с газетными листами, столы. Это не фронт. Здесь даже не видали германского самолета. Здесь готовятся резервы. Бойцы живут под открытым небом, землянки только для сна.

Но и те, кто не призван к оружию, то есть еще миллионы и миллионы советских людей, живут, как в боевом лагере: колхозники, ушедшие на восток из районов, в свое время захваченных Гитлером, рабочие, восстановившие на новых местах эвакуированные заводы. Кому нынче неведомы драгоценное тепло костров, гостеприимство незнакомых людей! Входишь в полночь в крестьянскую хату, извинишься, что причиняешь беспокойство. Древний старец ответит с печки, прислонясь спиной к трубе:

— Какое же нынче спокойствие? Сердце-то с июня месяца неспокойно, с двадцать второго числа.

Подумает и добавит:

— Вся Россия поднялась. Кругом костры горят, костры. Вся Россия сошлась к кострам. Это непокорность наша.

Тем временем хозяйка растапливает печь. На рассвете она скажет, подавая на стол картошку:

— И мой этак же где-нибудь, как вы.

Хотя она живет под родным кровом, сердце ее, мысли ее — там, у костров. Чье сердце не обливалось кровью в эти дни, когда Красная Армия вынуждена была отступить! Вот письмо одной женщины, жены курсанта:

«Как-то я пошла вечером за Андрюшкой, — смотрю, на опушке леса сидит слепой гармонист и играет. Он один, играет для себя. Слышу, он выводит: «Страна моя, Москва моя, ты самая любимая...» У меня всю душу перевернуло. Я долго стояла и слушала эту песню, как никогда никакую... Милый мой, я уверена, что ты станешь хорошим лейтенантом».

Курсанту Гаусу мать писала: «Я уверена, что ты у меня будешь героем».

Матери наши, наши жены знают, что быть хорошим лейтенантом, быть героем — это значит дружить с лишениями и не бояться смерти.

Не впервые превращается наша родина в боевой лагерь. Не раз подвергалось испытанию мужество народа, не раз враги решали, что Россия сломлена, что дороги ее покорно будут стлаться под копыта коней с чужой земли. Но народ вставал поперек этих дорог, и выбитый меч насильников падал на землю.

Отечественная война приблизила далекое прошлое, напомнив каждому: «Ты наследник всего, что сделали твои предки. Твоя советская родина увенчивает огромный исторический путь народов».

Вспомнив свою жизнь, каждый из нас увидит, как много дала ему советская родина. Всё, начиная с личного достоинства и кончая заводами и дворцами культуры, всё, начиная с хлеба и кончая песнями, всё, чем мы жили, что нам дорого, дала нам родина.

Мы получили так много, что вправе считать себя счастливыми. Взять любого. Вот один из моих товарищей — комсомолец Василий Дудкин. Он вырос на берегу реки Красивая Мечь, близ ее впадения в Оку. Прекрасную природу этих мест описал Тургенев. Сын крестьянина, Дудкин получил в Москве высшее образование.

Зимой он учил в столичной школе детей, летом ездил на родную Красивую Мечь и выходил с косой на широкие приокские луга, с лопатой — на торфяники. Столица и деревня равно дороги ему. Всегда и всюду жизнь для него — деяние, радость. Нет у него ни одного дня, прожитого впустую.

И вот мы принимаем военную присягу. Мы выстраиваемся в ленинской комнате, на стенах которой портреты руководителей партии и правительства, портреты героев отечественной войны.

Первым принимает присягу Дудкин. Он был хорошим учителем, любил свое дело, и он клянется стать храбрым воином.

Защитить родину, отстоять нашу великую многовековую культуру— сейчас это самое важное из всех дел просвещения.

Читает текст присяги курсант Гонян. Он вырос на юге Армении, где всегда сияет жаркое солнце. Теперь впервые он встал на лыжи. Единство советских народов нерушимо. Это виноградники Армении армия защищает в снегах под Мурманском, как леса Карелии защищает она на подступах к Кавказу.

Клятва на верность родине вбирает в себя все, что нам дорого.

Каждый вправе сказать:

— Я люблю моих детей. Но сейчас есть только одно выражение этой любви — борьба с врагом, ибо враг принес бы голодную смерть и рабство нашим детям.

— Я чту память своих родителей и предков. Но они не были рабами чужеземцев. И если я не стану храбрым воином, то я окажусь недостойным их памяти.

— Я люблю родную природу — бескрайные поля, глубокие реки, могучие горы, буйные ветры. Но земля моя, израненная вражескими бомбами, взывает об отмщении.

— Я люблю труд, но гитлеровцы пытаются присвоить или обратить против меня все, что я сделал, а меня, свободного и гордого труженика социалистической страны, загнать под ярмо.

Все лучшие чувства и привязанности приводят каждого из нас к этой клятве: стать храбрым, бесстрашным воином. Бесстрашным и умелым.

«Клянусь добросовестно изучать военное дело», говорится в тексте присяги.

Вот в день присяги, хотя это не учебный день, курсанты выходят на лыжах в поле и с винтовками в тир.

...Ночь после присяги. Поблескивает составленное в пирамиды боевое оружие. Тихо. Курсанты отдыхают, чтобы с утра снова приступить к учебе и тренировке.

Василий Дудкин осторожно поднимается с постели, берет на плечо тело пулемета и уходит в ленинскую комнату. Он младший командир, ему разрешено вставать до подъема, и он пользуется своим правом, чтобы поскорее подготовиться самому и подготовить товарищей к боям, в которых нам предстоит выполнить нашу торжественную клятву.

4. НА ЗАПАД!

Но если для нас это была только клятва, то для друзей наших это давно стало бытом: ежедневные подвиги и готовность умереть.

Там комсомолец в ноябрьский вечер под пулями подползал к стрелковой ячейке товарища и сообщал:

— В Москве выступил Сталин.

Вокруг рвались мины, черная пыль ложилась поверх белого снега, каждую минуту любой мог быть убит, но крепнущая вера в победу не могла быть убита.

Величие многих характеров мы узнаем с опозданием. Мы жили в палатках рядом с Колей Щербаченко и не пригляделись к нему, не разглядели прекрасную его душу. И уже потом старались вспомнить его,— потом, когда узнали, как в студеный ноябрьский вечер пробирался он по ходам сообщения, как затаивался, когда ракеты расплескивали с поднебесья летучий голубой свет, как спрашивал товарищей:

— Ты в меня веришь?

Каждый отвечал ему от чистого сердца:

— Да, конечно.

— Я хочу вступить в партию,— говорил Щербаченко.

9 ноября Щербаченко подал заявление. Он писал в своем заявлении: «Я хочу защищать честь и свободу своей родины коммунистом. В боях против гитлеровских полчищ, против фашизма буду стоек и тверд. Нашему общему делу отдам все силы, а если потребуется, и свою жизнь».

16 ноября курсанты атакуют противника у деревни Парфеньково. Свинцовая поземка заставляет их прижаться к земле. Они окапываются и отвечают врагу дружным огнем. Они отбивают фланговую контратаку.

Отходят под покровом темноты. Привезли в походной кухне кашу. Щербаченко подставляет полу шинели: котелков не взяли с собой. Он бодр и весел. Он шутит, получив от повара вторую «тарелку» каши.

Тут же, укрывшись за кусты от холодного ветра, расположился капитан Лободин, командир батальона. Он пишет в донесении: «Войско мое малочисленное, бодрое и веселое. Рвутся в бой, должен быть результат». Только из скромности Лободин не говорит — «бесстрашное войско».

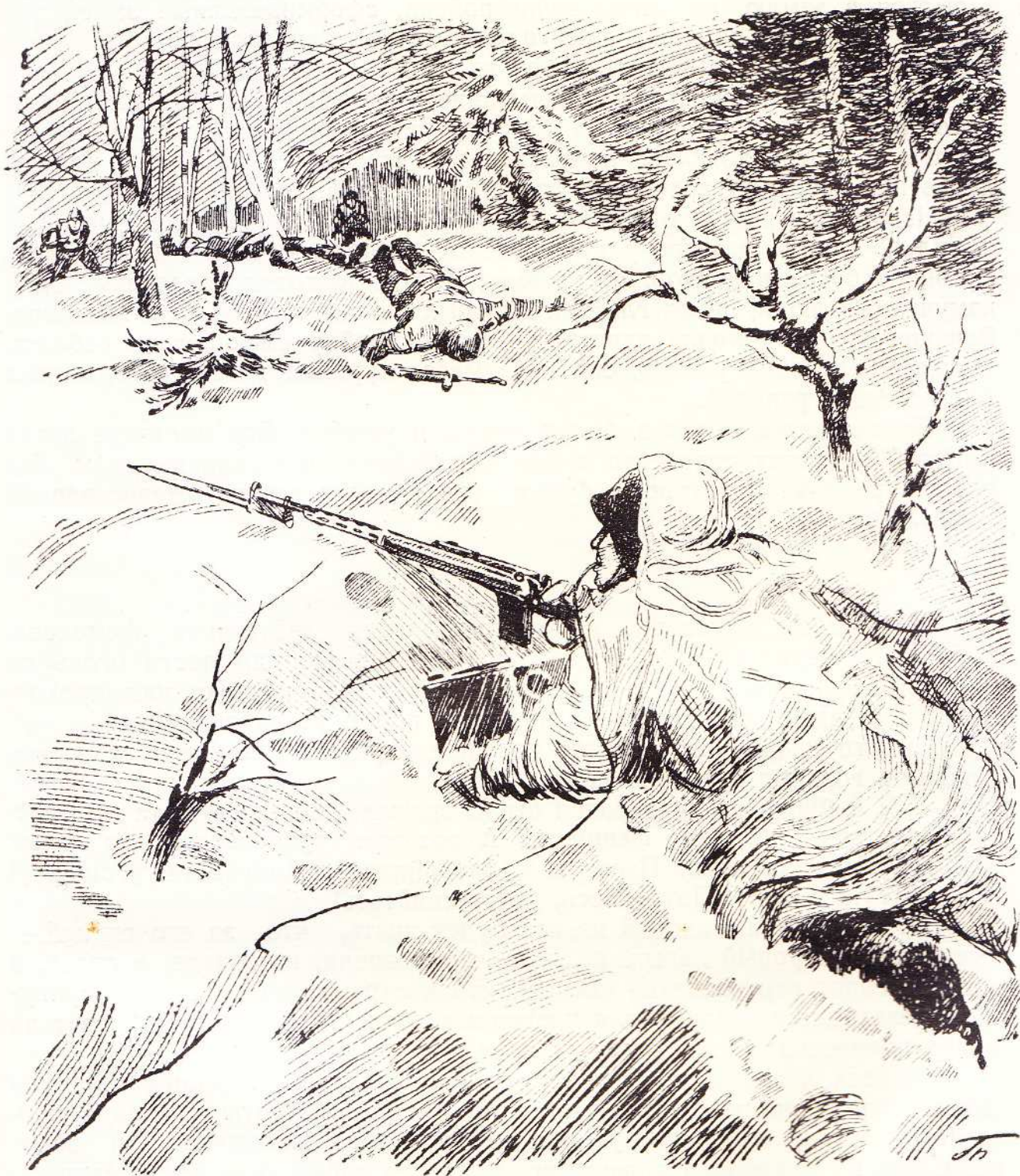
С рассветом возобновляется атака. Теперь бодрое и веселое войско подступает к противнику с правого фланга. Даже раненые идут вперед. Дважды ранен, но не выходит из боя комсомолец Жебов.

Отец комсомольца подполковник Жебов в это время руководил нашим училищем. Сын дрался в курсантском полку, как рядовой солдат. Где еще, в какой армии мира встретишь это суровое благородство нравов и эту нераздельность судьбы командира и бойца?

Пулеметным огнем немцы подстригают верхушки кустарников. Но наши ползут. Метрах в ста, когда уже не укроешься от пуль, они поднимаются. Они идут со штыками наперевес. Пусть знает враг, что как ни цепляется, а не удержится он на русской земле. Курсанты идут с криком «ура» — они ничего не видят, кроме неприятельских окопов.

Вражеская пуля обрывает жизнь Николая Щербаченко. Бойцам нельзя остановиться, чтобы в последнюю минуту руками поддержать его голову, чтобы услышать его последние слова. И все же вся страна слышит его прощанье — страна, затаенно следящая за ходом боев. Накануне Щербаченко принят в партию, он умирает коммунистом.

Бронированные змеи фашистских колонн не доползли до Москвы.

Вражеская мина оборвала провод. Командный пункт потерял связь с наступающими частями. Комсомолец Новиков получил задание восстановить связь. Обрыв найден, но враг обрушил на молодого связиста ливень свинца. Новиков во рту соединил концы провода и вступил в неравный бой. Когда подоспела помощь, Новиков был мертв. Плотно стиснутые зубы его держали провод. Связь работала безотказно. Поле боя устилали трупы немецких солдат.

Обессилен под ударами наших частей, они попытались залезть в щели, зарыться в землю, но тогда наши войска, сформированные за спиной героев обороны, пошли в наступление, стали авиабомбой и миной, штыком и гранатой выбивать гидру из щелей.

Выдержав самое строгое испытание, какое можно представить, питомцы московского училища получили под свое командование взводы и роты и теперь во главе подразделений врываются на улицы родных деревень, выбивают грабителя из родных домов.

Народ наш всегда отечески любил Красную Армию, в праздник выходил на улицы навстречу проходящим колоннам, и улица делалась яркой от букетов цветов, от улыбок. Теперь выходят навстречу бойцу измученные люди, перед глазами которых ежедневно маячила виселица. Раньше мать поднимала навстречу красноармейцу смеющегося ребенка. Сегодня, случайно уцелев, она показывает трупки детей, разорванных фашистской гранатой.

Но мы знаем — снова будут цветы и улыбки. Все цветение лугов и полей посвятит советская земля освободителям-красноармейцам. Все улыбки радостной детворы будут обращены к герою отечественной войны.

Скоро и мы, курсанты из подразделения лейтенанта Асмолова, выйдем на передний край боевого лагеря. Не все нам вести огонь по фанерным фигурам фашистов. Будем разогревать котелки над крохотными кострами, зажженными в печурках под бруствером окопа.

Те, кто начал учебу позже нас, посматривают на нас с завистью. Надымов говорил мне недавно:

— Я в буран так пробрался бы на лыжах: собака — и та не брехнет. Греетесь, господа фашисты? А вот вам горяченького до слез! И — гранату в окошко. Пьете чай, разбойники? Получайте угощение! И — другую в окно. Потчуйтесь, не стесняйтесь!

Вступая в бой, каждый из нас будет знать, что за его спиной — тысячекилометровый лагерь родины, что впереди, на западе, в лесах, в оврагах горят партизанские костры, что костры наши — это немеркнущее, незаходящее солнце для плененных врагом городов и сел, свет во мраке принесенной гитлеровцами ночи.

Из всех уголков земного шара виден этот свет. Вдовы Варшавы сквозь пургу видят его заплаканными глазами. Сироты Белграда протягивают к нему озябшие ручонки. Пусть же напоминает он всем, всем, кто не покорился тирану, всем, кто не забыл, что такое священная месть, — пусть напоминает он, что советские народы бодрствуют, что на тысячекилометровых пространствах раскинулся наш боевой лагерь, что разгораются жарче и жарче костры нашей борьбы, что мы несем их на запад, что они не погаснут, пока враг не будет испепелен.